

ных (233, 271). Большое разнообразие обнаруживается также в рифмах. Среди них преобладают женские как глагольные, так и других частей речи: неложно — невозможно (17—18), роды — незгоды (44—45), царицу — десницу (54—55), напасти — пропасти (152—153) и др. Прменяются и другие виды рифм: мужские — пером — умом (25—26), разорил — низложил (37—38) и т. п.; иногда с переносом ударения: печи — рещи (27—28), вопием — змием (248—249), всех — бранех (282—283) и др.; дактилические: ражаться — вооружаться (9—10), прошение — поношение (31—32), побарателей — наругателей (42—43) и др.; ассонирующие (в большом числе): храбръстве — богатъстве (19—20), Российскойю — Палестинскою (35—36), безсловесных — безвестных (86—87) и др.; из этого вида встречаются рифмы оригинальные по звучанию: низложил — ножи (38—39), омакая — подкланяю (150—151), правду — измарагду (180—181) и др.; имеет место и случай гипердактилической рифмы: тихостию — милостию (112—113). Далее, можно отметить такие особенности: повторяемость рифм: божия — подножия, подножие — божие (242—247, 280—281), тихостию — милостию, милости — тихости (112—113, 122—123) и др.; привлечение в некоторых рифмах слов из разных слоев языка: молитва — бритва (15—16), богу — ногу (56—57), постигла — постригла (210—211), вон — сон (220—221) и др.; употребление слов с конечной мягкой и твердой согласной: покров — кровь (202—203), отнюд[ь] — студ (228—229); слов одного корня: дателя — создателя (120—121), воздаяние — подаяние (126—127) и др.

Строфико-ритмическое строение данного послания, как и первого, представляет собою совокупность рифмованных двустиший, за исключением стихов 37—39, где даны три рифмующихся стиха: разорил — низложил — ножи, и двух стихов без рифм (298—299). В первом послании — Стефана к Арсению — стихов без рифм больше (7, 22—24, 49, 58, 125, 172, 173). В целом второе послание свидетельствует о более совершенной стихотворной технике его автора — С. И. Шаховского, чем автора предыдущего послания — Стефана.

В заключение нельзя не указать, что оба публикуемых послания представляют большой литературный и исторический интерес. К немногим известным до сих пор досиллабическим произведениям первой половины XVII в. присоединяются и наши послания, дающие новые доказательства распространенности и популярности стихотворного творчества этого вида среди русских образованных людей. Кроме того, оба произведения дают богатый материал для изучения собственно поэтики досиллабического виршетворчества, исследованного до настоящего времени все же недостаточно.

Первое послание напоминает о незаслуженно забытом в истории исправления книг на Руси в XVII в. справщике Арсение Глухом, стоящем в одном ряду с просвещенными передовыми деятелями того времени. Вместе с тем в число писателей, представителей русского досиллабического поэтического творчества, включается и новое имя — некоего Стефана.

Второе послание, автором которого мог быть, по нашему мнению, только князь С. И. Шаховской, с полным основанием позволяет говорить о нем как о писателе-стихотворце. С другой стороны, оно подтверждает тесные связи С. И. Шаховского с таким выдающимся деятелем первой половины XVII в., как князь Д. М. Пожарский. Из данного послания мы узнаем, что князь Д. М. Пожарский принимал близкое участие в судьбе опального С. И. Шаховского и оказывал ему и его семье помощь. Это вносит нечто новое и в биографию князя Д. М. Пожарского.